

УДК 903.27

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ И ОСОБЕННОСТИ ТЕХНИКИ
НАНЕСЕНИЯ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ КОМПЛЕКСА УЛАЗЫ (I тыс. н. э.)**

А. Н. Мухарева

**STYLISTIC VARIATIONS AND TECHNIQUE PECULIARITIES OF ULAZY ROCK IMAGES
(1st millennium AD)**

A. N. Mukhareva

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации: ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», Соглашение 14.B37.21.0954; Государственное задание НИР, регистрационный № 01203263112.

В статье анализируются стилистические варианты и особенности техники нанесения наскальных изображений, датированных в пределах I тыс. н. э., комплекса Улазы (Минусинская котловина).

The paper analyses the stylistic variants and technique peculiarities of Ulazy rock images (Minusinsk Basin) dating back to the 1st millennium AD.

Ключевые слова: наскальные изображения, стилистические варианты, Минусинская котловина.

Keywords: rock images, stylistic variations, Minusinsk Basin.

Минусинская котловина чрезвычайно насыщена памятниками наскального искусства, вот уже на протяжении нескольких столетий привлекающих внимание исследователей. Согласно сводке Э. Б. Вадецкой здесь, на сравнительно небольшой территории, насчитывается 107 местонахождений [1, с. 159 – 166]. Основные и наиболее крупные из них связаны с водными артериями – средним течением Енисея и его притоками. К настоящему времени наиболее известны и популярны сосредоточенные по берегам Енисея памятники центральной части Минусинской котловины, что является вполне закономерным явлением, учитывая масштабность комплексов и художественную выразительность самих рисунков. Из всех расположенных на этой территории местонахождений Е. А. Миклашевич был составлен перечень из двух десятков только наиболее крупных и репрезентативных памятников, степень изученности которых достаточна для определения их историко-культурной значимости [2, с. 23].

Наскальное искусство севера Минусинской котловины известно в несколько меньшей степени, несмотря на то, что впервые петроглифы на этой территории были обнаружены еще участниками экспедиции Д. Г. Мессершмидта в 1722 г. Среди петроглифических памятников севера Минусинской котловины материалы одного из крупнейших комплексов наскального искусства – Улазы, расположенного на правом берегу Енисея в Новосёловском районе Красноярского края, – лишь сравнительно недавно были введены в научный оборот [3]. Между тем петроглифы этого памятника, с одной стороны, укладываются в существующую хронологическую колонку наскальных изображений Минусинской котловины [2; 4], с другой – заметно выделяются внутри хронологических пластов своим своеобразием как по сюжетам [5], так и по технике и манере исполнения [3; 6]. Особенно ярко это проявляется на примере изображений, предварительно атрибутированных в пределах I тыс. н. э.

Специфика изобразительной традиции эпохи раннего средневековья уже становилась предметом специального исследования [7], в ходе которого были отмечены как общие стилистические черты, так и особенности рисунков данного хронологического пласта. Анализ самостоятельных стилистических групп в пределах одной эпохи позволил выделить локальные варианты раннесредневековой изобразительной традиции в наскальном искусстве Саяно-Алтая, один из которых представлен петроглифами Улазы [7, с. 193, рис. 2: 1, 2]. Дальнейшие исследования на крупнейшем памятнике наскального искусства севера Минусинской котловины позволяют более подробно рассмотреть петроглифы этого местонахождения, выполненные в раннесредневековой изобразительной традиции.

Ранее неоднократно отмечалось, что все известные раннесредневековые рисунки на скалах Улазы выполнены в технике выбивки [3, с. 124; 5, с. 67 и др.]. Среди выбитых петроглифов наблюдается исключительное преобладание силуэтных фигур, контурные рисунки весьма редки. Резных, шлифованных или нанесенных краской изображений на плоскостях огромного комплекса так и не выявлено. Тем не менее в единичных случаях на «спрятанных» от выветривания скальных поверхностях удается проследить еле заметные гравированные линии, не скрывающиеся в самостоятельные фигуры, но свидетельствующие о применении авторами петроглифов при их создании помимо выбивки иных технических приемов.

В целом техника выбивки для средневековых петроглифов на многих памятниках как Минусинской котловины, так и сопредельных территорий, не характерна. Значительно большую известность получили изображения вырезанные, выгравированные или шлифованные, благодаря чему долгое время техника гравировки считалась важным критерием хронологической атрибуции раннесредневековых петроглифов. Наскальные изображения комплекса Улазы

демонстрируют иную картину, а абсолютное преобладание техники выбивки обуславливает одну из особенностей раннесредневекового пласта рисунков на этом памятнике. Между тем данное обстоятельство не означает полного игнорирования местным средневековым населением каких-либо других техник нанесения рисунков на камень. Вероятно, широкое распространение именно выбитых изображений можно объяснить сильным выветриванием скальных плоскостей, в особенности тех, что обращены к Енисею. На некоторых из них поверхность настолько сглажена, что с трудом можно различить следы выбоин, размытые контуры которых позволяют лишь строить предположения о том, что же именно когда-то здесь было изображено. Учитывая данное обстоятельство, становится понятным отсутствие на скалах Улазы изображений, нанесенных в какой-либо иной, менее рельефной технике.

Еще одной из особенностей рисунков I тыс. н. э. на улазинских скалах является их исключительное преобладание над изображениями других исторических периодов. Не исключено, что до затопления прибрежных скал Улазской сопки водами Красноярского водохранилища, на них могли находиться более древние петроглифы, тем более, что Н. В. Леонтьеву в 1962 г. удалось сделать зарисовку одной из сцен, выполненную в минусинской изобразительной традиции [3, рис. 2]. Тем не менее среди известного к настоящему времени массива изображений комплекса петроглифов эпохи поздней бронзы и тем более, единичные рисунки тагарского времени значительно уступают в количественном отношении изображениям I тыс. н. э.

Среди основных образов, запечатленных в раннесредневековых петроглифах Улазы, – олени, бараны, козлы, лошади. Неоднократно встречаются сцены, представляющие верблюдов, бегущих свободно, ведомых всадниками на лошадях или верблюдов и лошадей с наездниками, следующими друг за другом. Любопытно, что аналогичных сюжетов в петроглифах сопредельных территорий не встречено, несмотря на то, что там имеется значительное количество изображений всадников и на верблюдах, и на лошадях, не составляющих цельных композиций. Много фигур людей, изображенных верхом на лошадях или верблюдах, а также пешими. Почти все они сравнительно небольшого размера, представлены в динамичных позах. В качестве основных повторяющихся сюжетов выделяются сцены охоты и перекочевок. Среди казалось бы однородных по набору основных персонажей сюжетов выделяется несколько композиций, хорошо известных по памятникам наскального искусства обширного ареала, но являющихся уникальными не только на Улазах, но и в данном регионе в целом. Прежде всего это композиция, включающая крытую повозку, запряженную быком, в сопровождении процессии с участием пеших и конных персонажей. Уникальными можно считать переданные с удивительным мастерством и экспрессией изображения коней, вставших на дыбы и пытающихся лягнуть друг друга. Эта сцена изображена на скалах Большого Улаза дважды, но больше нигде не встречена в Минусинской котловине. Также обращает на себя внимание изо-

бражение некой конструкции, которая, скорее всего, представляет жилое сооружение, возможно, юрту. Все сюжеты укладываются в пределы I тыс. н. э. и уже получили освещение в специальной литературе [5].

В целом изображения I тыс. н. э. на скалах Улазы объединены набором общих стилистических черт, к которым относятся реалистичные пропорции и позы фигур, положение ног животных, передающие движение, а также заметный динамизм сцен. В свою очередь этот пласт улазинских петроглифов по стилистическим характеристикам не является однородным. Среди известных изображений можно выделить несколько групп, выполненных в общей технике и содержащих идентичные наборы сюжетов и образов, но несколько различающихся между собой манерой исполнения. При этом необходимо отметить, что изложенные ниже наблюдения над стилем рисунков имеют предварительный характер. Данное обстоятельство с одной стороны связано с недостаточной изученностью как петроглифов комплекса Улазы, так и других памятников наскального искусства севера Минусинской котловины. Очевидно, что расширение источниковой базы в дальнейшем будет способствовать углублению представлений об изобразительной традиции I тыс. н. э. С другой стороны, предварительный анализ стилистических вариантов напрямую зависит от неоднородности самих рисунков. Как справедливо было отмечено Е. А. Миклашевич, «в целом общность или разнообразие стилей зависят от эпохи: чем древнее, тем больше общего и искусстве разных памятников», «начиная с эпохи бронзы... эти особенности, отличающие один памятник от другого, проявляются все отчетливее» [2, с. 23]. Не удивительно, что в I тыс. н. э. мы имеем дело с разнообразием стилистических вариантов, представленных на одном памятнике.

При выделении стилистических групп в улазинских петроглифах I тыс. н. э. основополагающими стали следующие критерии: техника нанесения рисунков, положение ног изображенных животных, форма их тела, способ передачи движения. На основании перечисленных признаков весь пласт изображений I тыс. н. э. можно разделить на две группы, условно соответствующие таштыкскому и древнетюркскому периодам в истории Минусинской котловины.

Первая группа улазинских петроглифов, очевидно, в хронологическом отношении наиболее ранняя, по целому набору признаков соотносится с убедительно выделенной таштыкской изобразительной традицией, самой характерной чертой которой остаётся манера показа ног животных в размашистой рыси. При этом классических таштыкских изображений (в той манере и технике, в какой они представлены на тепсейских плакетках) на этом памятнике нет, хотя способ изображения ног животных в размашистой рыси с характерно подогнутой передней ногой встречается часто. В отличие от эталонных таштыкских рисунков задние ноги улазинских животных не образуют W-образный контур, который придает особую специфику таштыкским изображениям. У изображенных на памятнике лошадей отсутствуют пышные хвосты, а у большинства – и «султаны» на головах. Не подчеркнуты «осиные» талии всадников и пеших антропоморфных фигур, а также крупы животных. Воз-

можно, что художники, оставившие свои произведения на скалах Улазы, принадлежали другому народу, но испытали определенное влияние таштыкского искусства [3, с. 124].

В свою очередь, данная стилистическая группа не является однородной и внутри неё отчетливо прослеживается несколько вариантов изобразительной традиции. Своеобразие одного из вариантов изображений этой группы заключается, прежде всего, в сочетании разновременных стилистических элементов. Эта наиболее значительная часть улазинских петроглифов представляет собой как бы смешение двух изобразительных традиций, таштыкской и древнекыргызской, которые на других памятниках представлены в «чистом» виде. Здесь во многих композициях одновременно присутствуют изобразительные приемы, характерные как для древнетюркской (выстриженные зубцами гривы лошадей), так и таштыкской (своеобразная манера изображения ног животных) эпох.

В рассматриваемую группу вписывается еще один стилистический вариант, изображения которого несколько отличаются от вышеописанных петроглифов манерой исполнения. К этому варианту можно отнести изображения копытных животных: как оленей, косуль, так и лошадей, корпусы которых выполнены в технике контурной выбивки. Как правило, внутри корпусы животных заполнены более редкими выбоинами, возможно, передающими особенности их окраса. У каждого из животных этой стилистической группы изображены четыре ноги, иногда с характерно подогнутой передней и задней ногами, иногда с почти прямыми. Отсутствуют изобразительные приемы, характерные для древнетюркской традиции. Большая часть этих изображений выделяется среди прочих фигур достаточно крупными размерами и чаще всего это рисунки одиночных животных, нанесенных на скальные плоскости обособленно.

Угадывается среди петроглифов I тыс. н. э. ещё один вариант, представленный изображениями животных с короткими подпрямоугольными корпусами. Манера изображения ног животных варьируется от почти прямых до подогнутых характерным образом, на основании чего рисунки можно отнести к первой группе. Необычна передача разветвленных рогов оленей в виде нескольких параллельных отростков, отходящих от головы.

Вторая группа раннесредневековых петроглифов комплекса Улазы в полной мере соответствует изобразительным канонам древнетюркской эпохи и выполнена в «типичной» для древнетюркского времени манере. Преимущественно это изображения всадников-лучников на лошадях, преследующих копытных животных. Все фигуры полны экспрессии и выполнены в единой манере: животные и всадники представлены стремительно мчащимися, быстрый бег животных передается раскинутыми в разные стороны ногами. Изображены кони обычно с длинными распущенными хвостами. Рука лучника, натягивающего тетиву, загнута вверх. Сцены выполнены легкой, изящной, часто поверхностной выбивкой различной плотности, еще сильнее подчеркивая тем самым легкость и динамичность композиций. Среди петроглифов данной группы выделяются два стилистических

варианта изображений. К первому относятся рисунки, созданные в классической «древнетюркской» традиции, принадлежность которых к древнетюркскому времени строится по аналогии с резными изображениями на роговой облицовке передней луки седла из алтайского древнетюркского могильника Кудыргэ (Горный Алтай). Это изображения животных, у которых весьма реалистично изображены корпусы, переданы все четыре конечности, в чем они, собственно, похожи на эталонные древнетюркские рисунки. Вторым стилистическим вариантом этой группы представлен все теми же сценами охоты, однако здесь у животных изображены только две ноги, за которыми как бы не видны две другие. В целом изображения второго варианта чуть менее изящны, несколько схематичнее переданы более узкие корпусы животных.

Обозначенные внутри стилистических групп варианты в хронологическом отношении, вероятно, близки друг другу. Хотя не исключено, что в будущем полное документирование петроглифов комплекса позволит пролить свет на их хронологическую, а возможно, и культурную атрибуцию, тем не менее, уже сейчас можно сделать некоторые выводы относительно их последовательности нанесения на скалы.

Исходя из количественного преобладания изображений первой стилистической группы и заполнения подобными рисунками наиболее удобных больших плоскостей, возможно предположение о более раннем ее появлении по сравнению со второй. Такую гипотезу косвенно может подтверждать анализ основной композиции пункта Улазы IV, центральная часть которой занята фигурами крупных копытных животных (вероятно, оленей), изображенных в характерной манере с подогнутыми под брюхо передней и задней ногами. Древнему мастеру, оставившему на этой же плоскости изображение всадника, выполненного в «классической» для древнетюркского времени манере, пришлось «вписать» его фигуру в свободное пространство в нижней части большого скального фриза. Аналогичным образом «вписаны» и прочие рисунки, значительно уступающие вышеупомянутым животным по размеру.

Также косвенно подтверждает выдвинутое предположение изображение всадника на коне, преследующего косулю на одной из плоскостей Большого Улаза. При этом изображение лошади с подогнутыми ногами выполнено в традиции, характеризующей петроглифы первой группы, тогда как сидящий на ней всадник и незавершенное изображение преследуемой им косули отличается манерой и техникой исполнения – мелкая, поверхностная, изящная выбивка в точности повторяет приемы изображений второй группы и, скорее всего, «дополнила» изображение лошади несколько позже.

Разумеется, в настоящее время не представляется возможным выяснить, насколько позже появляются на Улазах петроглифы, выполненные в «классической» древнетюркской традиции. Не исключено, что помимо стилистических особенностей, характерных для изображений I тыс. н. э. в целом, в каких-то случаях представлен индивидуальный стиль отдельных композиций, иначе говоря – манера, рука конкретного мастера.

Помимо выделенных стилистических групп, в обозначенный хронологический период попадает еще один пласт рисунков, в хронологическом отношении предшествующий вышеописанным и соотносимый с тесинским временем. Эта группа изображений находит аналогии в петроглифах Кавказской писаницы [8, с. 87, 88], Куни [9], Соснихи [10, с. 96 – 98], а также других памятников, многочисленные изображения которых составляют особый пласт в наскальном искусстве региона. Его выделение до настоящего момента остается дискуссионным, тем более актуальны тщательное документирование и своевременная публикация петроглифов данного периода на памятнике Улазы. Более того, полноценное изучение улазинских петроглифов таштыкского и древнетюркского периодов не может претендовать на полноту, если не будут решены вопросы, связанные с истоками стиля, несомненно, оказавшими немалое влияние на его дальнейшее развитие.

В настоящее время на севере Минусинской котловины известны археологические объекты, относящиеся к различным историческим эпохам – от палеолита до позднего средневековья. Начиная с 1980-х гг. в этом районе были открыты и исследованы ранее не известные памятники I тыс. н. э. Сравнительно недавно датировка нескольких раскопанных Г. Н. Курочкиным курганов могильника Толстый Мыс [11] была пересмотрена Ю. Ю. Кузьминым, отнесшим их к тесинскому времени [12, с. 307 – 308]. На левобережье Енисея, в непосредственной близости от местонахождения Улазы, расположено несколько крупных грунтовых и курганных могильников, среди которых – Маркелов Мыс I и II. На первом из них Ю. В. Тетери-

ным были выделены объекты позднеташтыкского (IV–VI вв.) и древнетюркского (VIII – IX вв.) периодов [13, с. 27; 14, с. 62]. Второй насчитывает более 150 отдельных объектов, относящихся «к таштыкской культуре и эпохе раннего средневековья» [15, с. 41].

Разнообразие археологических памятников, датированных в пределах I тыс. н. э., красноречиво свидетельствует о наличии нескольких этнических групп населения, обитавших на данном историческом отрезке на севере Минусинской котловины. Как и материалы из погребальных комплексов, петроглифы Улазы дают представление о многогранности и сложности изобразительной традиции I тыс. н. э., а также открывают новые перспективы в изучении этого направления. Не все петроглифы, предварительно атрибутированные в пределах I тыс. н. э., возможно с высокой степенью достоверности отнести к тому или иному стилистическому варианту. Степень изученности археологического материала в настоящее время такова, что пока не представляется возможным аргументированно сопоставить стилистические группы на скалах с определенными объектами тесинского, таштыкского или древнетюркского периодов. Предстоит найти объяснение присутствию в отдельных наскальных композициях петроглифов, выполненных в единой технике, но в различных изобразительных традициях. Думается, что дальнейшее документирование наскальных изображений наряду с введением в научный оборот новых материалов из раскопок позволит пролить свет на поставленные вопросы и соотнести те или иные стилистические варианты с конкретными группами населения.

Литература

1. Вадецкая, Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея / Э. Б. Вадецкая. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.
2. Миклашевич, Е. А. Памятники Минусинской котловины (Республика Хакасия, Красноярский край) / Е. А. Миклашевич // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы: ЮНЕСКО, НИПИ ПМК, 2004. – С. 15 – 28.
3. Леонтьев, Н. В. Памятник наскального искусства Улазы на севере Минусинской котловины / Н. В. Леонтьев, Е. А. Миклашевич, А. Н. Мухарева // Археология Южной Сибири: сб. научных трудов, посвященных 60-летию со дня рождения В. В. Боброва. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – Вып. 23. – С. 120 – 132.
4. Советова, О. С. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) / О. С. Советова, Е. А. Миклашевич // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: КемГУ, 1999. – С. 47 – 74.
5. Мухарева, А. Н. О некоторых сюжетах петроглифов горы Большой Улаз на Среднем Енисее / А. Н. Мухарева, О. С. Советова // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. Труды САИПИ. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – Вып. IX. – С. 67 – 75.
6. Мухарева, А. Н. Петроглифы местонахождения Улазы III / А. Н. Мухарева // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Лынищенская. Улазы III. Сосниха. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – Вып. X. – С. 57 – 71.
7. Мухарева, А. Н. Раннесредневековая изобразительная традиция в петроглифах Саяно-Алтайского региона и сопредельных территорий / А. Н. Мухарева // Вестник НГУ. – 2007. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 189 – 198. – (Серия: История, филология).
8. Леонтьев, Н. В. Кавказская писаница на Тубе / Н. В. Леонтьев, Н. А. Боковенко // Краткие сообщения Института археологии. – М.: Наука, 1985. – Вып. 184. – С. 82 – 88.
9. Миклашевич, Е. А. «Племя единорога» на Енисее (сяньбэйские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины) / Е. А. Миклашевич // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2004. – С. 320 – 325.
10. Миклашевич, Е. А. Петроглифы горы Сосниха / Е. А. Миклашевич, С. В. Панкова, А. Н. Мухарева // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Лынищенская. Улазы III. Сосниха.

Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – Вып. X. – С. 72 – 111.

11. Курочкин, Г. Н. Тагарские курганы в зоне строительства Новосёловской оросительной системы / Г. Н. Курочкин // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири: по материалам раскопок 1980 – 1984 гг. – Л.: Наука, 1988. – С. 5 – 22.

12. Кузьмин, Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура. – СПб.: Изд-во Айсинг, 2011. – 456 с., илл.

13. Тетерин, Ю. В. Древнетюркские погребения могильника Маркелов Мыс I / Ю. В. Тетерин // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2000. – С. 27 – 54.

14. Тетерин, Ю. В. Таштыкские склепы могильника Маркелов Мыс I на севере Хакасско-Минусинского края / Ю. В. Тетерин // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. – Новосибирск: Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова: Новосибирский гос. ун-т, 2007. – С. 62 – 88.

15. Митько, О. А. Таштыкские памятники могильника Маркелов Мыс II. Материалы к реконструкции сооружения погребальных сооружений (по результатам раскопок склепа № 8) / О. А. Митько // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. – Новосибирск: Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова: Новосибирский гос. ун-т, 2007. – С. 39 – 61.

Информация об авторе:

Мухарева Анна Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии КемГУ, mukhareva@mail.ru.

Anna N. Mukhareva – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University.